

ВЛИЯНИЕ АЛКОГОЛИЗМА РОДИТЕЛЕЙ НА СУИЦИДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИЧНОСТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОТОМСТВА

© М.А. Байкова, А.В. Меринов

ФГБОУ ВО Рязанский государственный медицинский университет
им. акад. И.П. Павлова Минздрава России, Рязань, Россия

Статья представляет собой обзор литературных данных, посвящённый влиянию алкогольной зависимости родителей на суицидологические и личностно-психологические характеристики их потомства. Несмотря на снижение заболеваемости алкогольной зависимостью в популяции, в России от 15 до 50% семей могут сказать, что столкнулись с проблемой родителя, страдающего алкогольной зависимостью. Взрослые дети алкоголиков (ВДА) представляют собой достаточно обширный, высоко аутоагрессивный пласт общества. Данная группа лиц – наиболее опасная по частоте развития у них разного рода аддикций, а также – по вероятности совершения суицидальной попытки. Целью данного обзора было представить современные представления о суицидальности ВДА, их социо-культуральные характеристики, личностно-психологические особенности; продемонстрировать степень влияния аддиктивных парентальных фигур на антивитаальность потомства и её формирование. Анализ англо- и русскоязычной литературы убедительно продемонстрировал, что ВДА представляют собой группу с повышенной, относительно нормативной популяции, аутоагрессивностью, склонностью к парасуицидальным паттернам, трудностями в построении взаимоотношений с социумом и нахождении своего места в нем. Было сделано заключение о недостаточности проведённых исследований, отсутствии точных данных о трансгенерационных механизмах трансляции аутоагрессивности потомству, факторах, влияющих на гетерогенность ВДА как популяционно-видовой группы, необходимости учета гендерной принадлежности как родителей, так и самих ВДА.

Ключевые слова: алкогольная зависимость, взрослые дети алкоголиков, суицидология, аутоагрессия.

INFLUENCE OF PARENTAL ALCOHOLISM ON SUICIDAL AND PERSONALITY-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF OFFSPRING

M.A. Baykova, A.V. Merinov

Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia

This article is a review of literature data, devoted to the influence of alcohol dependence of parents on the suicidal and personality-psychological characteristics of their offspring. Despite a decline of the incidence of alcohol dependence in the population, in Russia about 15-50% of families can say that they have encountered the problem of an alcoholized parent. Adult children of alcoholics (ACAs) are a fairly extensive, highly autoaggressive stratum of society. This group of people is the most dangerous in terms of the frequency of development in them of various kinds of addictions, as well as the likelihood of committing a suicidal attempt. The purpose of this review was to present modern ideas about the suicidality of adult children of alco-

holics, their socio-cultural characteristics, personality and psychological characteristics; to demonstrate the degree of influence of addictive parental figures on the antivitality of offspring and its formation. The analysis of English and Russian literature is carried out. We have convincingly demonstrated that the ACAs represents a group with an elevated, relative to normative population, autoaggressiveness, inclination to parasuicidal patterns, with difficulties in building relationships with the society and finding a place in it. Conclusions were made about the inadequacy of the studies conducted, the lack of accurate data on the transgenerational mechanisms of autoaggressive transmission to offspring, the factors influencing the heterogeneity of the ACAs as a population-species group, the need to take into account the gender of both parents and the ACAs themselves.

Keywords: *alcohol dependence, adult children of alcoholics, suicidology, autoaggression.*

В отечественной литературе все больше данных о том, что злоупотребление алкоголем населения находится на высоком уровне [1-3]. Увеличивается количество данных о росте алкогольных проблем у подростков, женщин, молодых людей [3-6]. Если детально рассматривать анамнез этих людей, то мы увидим, что в большинстве случаев они происходят из так называемых «алкогольных» семей. В России от 15 до 50% населения составляют взрослые дети алкоголиков (ВДА) [4-6]. Данная группа лиц является группой повышенного риска по возможности развития у них алкогольной зависимости, а также по риску развития суицидального поведения. При этом, если говорить о развитии алкогольной зависимости у данной группы лиц, то стоит отметить, что заболевание протекает тяжелее, чем у родителей, имеет склонность к более прогрессивному типу течения и несет более злокачественный характер [1].

До сих пор остается дискуссионным вопрос о превалировании в этиопатогенезе заболевания у ВДА генетических и социальных факторов [1-3].

При этом известно, что генетические факторы достоверно связаны с болезнями зависимости от психоактивных веществ (ПАВ), высоким уровнем специфического риска (около 55%) и коэффициентами наследования от 62 до 79% [1]. Социальные и средовые факторы имеют отношение к употреблению ПАВ и влияют на модифицирование риска начала алкогольной зависимости, но не прогнозируют ее развития [2-4].

Однако, точка зрения о том, что возможность влияния средовых факторов может быть весьма значительной и порой их вклад в развитие болезни остается недооцененным как исследователями, так и клиницистами ввиду различных причин, не позволяет свести генез алкогольной зависимости лишь к влиянию наследственных факторов.

Целью настоящего обзора является анализ литературных данных о влиянии алкогольной зависимости родителей на суицидологические характеристики их взрослого потомства.

Семейная отягощенность – «генетический груз»

Данные о семейной отягощенности часто бывают искажены из-за замалчивания проблемы семьей, если ребенок рано потерял родителей или рос и воспитывался в приемной семье или детском доме [1,4,5]. Испытуемые часто предпочитают давать меньше информации о своей семье, если её коснулась «алкогольная» проблема. Они часто либо не признают заболевания, либо, наоборот, преувеличивают степень заболеваемости в семье.

Однако, даже при таком искусственно заниженном выявлении семейной отягощенности алкогольной зависимости, частота её встречаемости среди ВДА остаётся на среднем и высоком уровне (41,5 и 25,7% соответственно) [5,6].

Эти сухие данные представляют собой комплекс генетически детерминированных особенностей нейрохимических

процессов в различных системах мозга, что обуславливает быстрое развитие зависимости при употреблении алкоголя и её злокачественное течение [1]. Происходит изменение структуры и функций ЦНС.

По данным литературы, семейную отягощённость связывают с выраженным ощущением («предвкушением») положительного эмоционального эффекта от употребления алкоголя [1,3,4].

Известно, что у мужчин ВДА с высокой семейной отягощённостью методом нейровизуализации выявлены изменения системы «награды» мозга [1].

При этом возраст начала приема алкоголя обусловлен не генетическими, а социальными и средовыми факторами. Раннее начало употребления алкоголя, как и ранняя манифестация алкогольной зависимости у ВДА прогнозируется наличием «генетического груза» алкогольной зависимости у родственников, её степенью, а социальные последствия и утрата контроля обусловлены социальными факторами и самой болезнью, повышающей аутоагрессивность её носителей [6-8].

Если со страдающими алкогольной зависимостью ВДА ситуация выявления генетических факторов и факторов влияния среды представляется несколько затруднительной, то в случае рассматривания ВДА, не страдающих алкогольной зависимостью, и воспитанных в семьях, где хотя бы один из родителей страдал алкогольной зависимостью, влияние средовых факторов на личностно-психологические и суицидологические характеристики, представляется нам более доступным.

Комплекс психологических проблем, просуицидальности, выраженной виктимности, социальной нестабильности и душевной напряженности, установки на «спасение» больного родственника входят в так называемый феномен созависимости, неоднократно описанный в литературе [5-9].

Созависимость – базис суицидального риска ВДА?

Существует большое количество исследований, посвящённых феномену созависимости [4,5,9-12]. И, как правило, эти исследования затрагивали супруг мужчин, страдающих алкогольной зависимостью, и констатировали гетерогенность феномена [9-13]. При этом различные литературные источники по-разному его описывают. Ряд авторов считает, что это отдельная нозология, другие представляют данный феномен в качестве реакции на стресс, третьи рассматривают данное состояние как обусловленное полной поглощённостью состоянием другого человека, его поведением, управлением им и игнорированием своих нужд и потребностей [5,6,9].

Гипотеза о том, что созависимость личности представляет собой сложный комплекс патологической зависимости от другого, с выраженными защитными психологическими механизмами, закреплёнными аутодеструктивным поведением, дезадаптивными реакциями приспособления и неэффективным способом взаимодействия с окружающими людьми, подтверждается в ряде работ отечественных и зарубежных авторов [4,6,9-15].

Они показывают, что у созависимых лиц высок уровень тревожности, фрустрации, агрессивности [6,9-11,16,17], что обуславливает их социальную нестабильность и сложность в установлении контактов и взаимоотношениях с другими людьми. Наиболее часто созависимые используют в качестве ведущих психологических защит стратегии избегания и агрессии, преимущественно направленной на себя и, обуславливающей высокий суицидальный риск [11,16-18].

Постоянное пребывание в состоянии дистресса, связанного с различными травмирующими событиями, происходящими в «алкогольной» семье, приводят созависимых к физическому и психо-эмоциональному истощению [4-6,11,12]. Данное состояние приводит к соматизации, телесному дискомфорту, где психогенный компонент играет большую роль. Неспособность разорвать связь с зависимым плотно ассоциирована с иллюзией собственной ценности, незаменимости для аддикта [4-6,14,

15,19-21], а неосознанность вторичных выгод от такой «нездоровой» привязанности к страдающему алкогольной зависимостью, приводит к деструктивным, разрушительным и опасным последствиям, как для самой личности, так и для её окружения [9-12]. И если у супруг зависимых есть возможность разорвать порочный круг деструктивных взаимоотношений, то у детей, воспитываемых в семьях, где хотя бы один из родителей страдает алкогольной зависимостью, возможность данного выбора неочевидна.

Находясь в состоянии, обусловленном финансовой и личностной несостоятельностью, зависимости от своей семьи, которая должна нести защитную, развивающую функцию, дети лиц, страдающих алкогольной зависимостью, вынуждены расти в дезадаптивных условиях [20,21].

Враждебная обстановка «нелюбви» в семье приводит к нарушению самооценки у детей, сложностям в проявлении эмоций, алекситимии, подавлению чувств стыда и вины, которые, тем не менее, всегда следуют за владельцем, продепрессивности, повышенной агрессивности и, как следствие, высокому суицидальному риску, слепому и ригидному следованию цели без учёта обстоятельств [21]. В подобной дезадаптивной семье проявляется нарушение эмпатии, не происходит обучения детей любви, нежности, заботе и другим позитивным паттернам поведения [20,21].

Подобные нарушения воспитательного аспекта у детей из семей, в которых хотя бы один из родителей страдает алкогольной зависимостью, происходят в тот момент, когда у ребёнка высок уровень конформизма, то есть готовности к принятию групповых норм субъективно значимых групп, изменению поведения и/или убеждений в соответствии с преобладающим мнением группы, как следствие реального или воображаемого слияния [20-23]. Происходит усвоение норм социального поведения, «обучение» дезадаптивным и деструктивным паттернам. Дети буквально привыкают к тому, что употреб-

ление алкоголя – норма [22-24]. При этом стоит отметить, что попадание подростка в «социально благополучную» группу может помочь формированию адаптивного поведения и становлению здоровой личности [20], особенно, если в этой группе происходит безусловное принятие ребенка, и ему оказывается поддержка. Вообще стремление ребёнка из алкогольной семьи не просто примкнуть к субъективно значимой группе, а «слиться» с ней, расценивается в качестве попытки замены родителя, что объясняет тот или иной результат влияния выбранной социальной когорты на ребёнка из семьи аддиктов [21].

Те паттерны поведения, которые выходцы из «алкогольных» семей приобретают в детско-подростковом возрасте, переносятся во взрослую жизнь и на взаимоотношения с другими людьми [20-25].

Взрослые дети алкоголиков – ещё одна грань феномена созависимости

Согласно данным различных исследований, ВДА характеризуются особенностями самовосприятия, восприятия близких, людей в целом, а в соответствии с этим – проблемностью в поведении, повышенной аутоагрессивностью и социальной дезадаптивностью [4-6,9]. Однако, не все так однозначно, как кажется на первый взгляд.

Данные сравнительного анализа взрослых женщин из «алкогольных» семей с взрослыми женщинами из «здоровых» семей показывают, что они и их отцы, страдающие алкогольной зависимостью, сходны по основным характеристикам восприятия [25].

Внешне женщины-ВДА демонстрируют себя яркими, демонстративными, социально активными личностями, позиционируют себя коммуникативными, самодостаточными, доминантными, эгоцентричными и фанатичными личностями, когда на самом деле ощущают себя и являются людьми слабыми, безвольными, беспомощными и зависимыми [25].

Основной мотивацией для поступков ВДА часто являются страх неожиданной смены настроений, реакции близких и со-

циально-значимых посторонних людей [4-6,9,17-21,25]. Ими движет опасение вызвать неодобрение, раздражение, гнев и агрессию окружающих. Спустя 5-6 лет подобной жизни ВДА глобально перестают доверять родственникам и окружающим их людям.

При попытке достигнуть определенного социального статуса или цели, они проявляют выраженную стеничность, но ориентированы не столько на успех, сколько на избегание неудачи, так как страдают от заведомо «априорной» неуспешности, привитой в семье, а также, одновременно, устремлены к высокой оценке себя окружающими, которых самостоятельно определяют в референтную группу [4-6,9,17-21,25]. В связи с этим ВДА не умеют точно откалибровывать и определять качество отношения к себе других людей. Посторонним демонстрируются свои лучшие качества, которые, как им кажется, социально приемлемы. Данное поведение характеризует их «условную порядочность» и отсутствие усвоения истинных человеческих ценностей, расплывчатость норм поведения, когда таковые значительно сужаются и адресуются только избранным людям, которых ВДА принимают за «своих». Вырастая в «алкогольной» дисфункциональной семье, отношения в которой отличаются от «здоровых» явным и/или скрытым взаимным отвержением, априорным отрицанием проблем, в семье, в которой зачастую имеет место насилие, ВДА с трудом дифференцируют свои чувства, переживания, испытывают определенные трудности в целеполагании, определении смысла собственной жизни. Им тяжело предвидеть реальную опасность, так как границы дозволенного стёрты, и ВДА воспитывались в условно небезопасных семьях.

Усвоение патологических моделей поведения и эмоционального реагирования внутри семьи приводит к повторению их при создании своей собственной семьи [26,27].

Искреннее стремление ВДА создать семью, непохожую на родительскую, часто

сводится лишь к исключению видимых негативных поведенческих проявлений и к созданию видимости счастливой семьи, в то время как за цветущим фасадом скрываются дезадаптивные и неполноценные отношения [15,27].

В семьях ВДА отсутствует любовь, безусловное принятие, открытое выражение чувств, эмоций, нежность, привязанность, взаимопомощь и выручка, поддержка, а также другие необходимые компоненты истинно семейных отношений [5,9-12,25]. Всё вышперечисленное делает ВДА не подготовленными к жизни, социально неадаптированными и инициирует их к воспроизведению в собственных семьях тех же негативных моделей поведения внутри семьи, что препятствует адекватному выполнению ими родительских обязанностей, способствующих воспитанию ещё одного поколения личностно-неполноценных, искалеченных взаимозависимых – внуков алкоголиков [28].

ВДА характеризуются повышенной ауто- и гетероагрессивностью, адресованной не только себе и семье, но и окружающим [29]. Аутоагрессивность выражается в депрессивных установках, неприятии самого себя, не проходящих, но подавляемых и не находящихся выхода, чувствах стыда и вины. Данный спектр эмоций относится к ряду так называемых *self-conscious emotions* или «эмоций самосознания», которые ассоциированы с представлениями о себе, своих мыслях и поступках, с «Я – концепцией» в межличностных контактах, и является регулятором поведения [16,30]. Стыд запускает негативную оценку *self*, в то время как вина – негативную оценку своих поступков. Из этого следует, что переживание эмоций стыда является наиболее болезненным, так как обесценивает личность как таковую и в сравнении с другими. Подобная суровая оценка себя как неуспешного, беспомощного и ничтожного, порождает страх неприятия себя другими людьми и субъективно значимыми фигурами, что в свою очередь активизирует компенсаторные ме-

ханизмы в виде агрессии, как ауто-, так и гетеро-, и поведение, направленное на избегание [5-16].

Всё вместе создаёт депрессивный фон, способствующий повышенной суицидальности, учитывая «привитые» стёртые границы безопасности и неспособность правильно оценивать риск [7,8,11-18]. Также подобный деструктивный личностно-психологический и социальный фон может влиять на формирование аддиктивного поведения, в частности алкогольной зависимости [4,9-12,18,20-25].

Влияние семьи на личностно-психологические характеристики ВДА

Существуют разрозненные, отдельные, несистематизированные данные, касающиеся роли семьи в формировании алкогольной зависимости [1,4,10,13-15,19,23-27,29-33]. Однако, все они сводятся к тому, что только такие факторы, как «алкогольная» и «деструктивная» семья относятся к устойчивым осевым маркерам риска возникновения и формирования алкогольной зависимости в молодом возрасте.

В этой связи представляется интересной теория эпигенетической передачи алкогольной зависимости в качестве дезадаптивной копинг-стратегии [27,33]. В этом случае аддиктивное поведение является способом ухода от решения жизненных проблем, что, в свою очередь, приводит к еще большей социальной дезадаптации, замыкая порочный круг алкогольной зависимости.

У детей, чьи родители страдали от алкогольной зависимости, в первые шесть месяцев жизни определяются негативные паттерны привязанности: низкий эмоциональный ответ, редкие позитивные послылы родителям, в возрасте 18-36 месяцев у них обнаруживают особенности поведения с интернализацией конфликта [26,31]. При этом есть данные, что алкогольная зависимость матери наносит более разрушительный урон личности ребенка, т.к. нарушает симбиотические связи, необходимые младенцу для выживания и формирующиеся в первые годы жизни [24]. В то

время как привязанность к здоровой матери практически полностью нивелирует негативное влияние отца [24].

Расстройства, связанные с употреблением алкоголя в семье, концептуализированы как хронический стресс, способный приводить к длительным долгосрочным последствиям для детей, выросших в таких семьях [4-6,11-20,23,27,28].

Семья (даже «алкогольная») не является исключительно гомеостатически замкнутой системой. Связи между детьми и их воспитателями оказывают влияние не только на формирование в дальнейшем межличностных отношений, но и на возникновение адаптационных проблем у потомства [4-6,11-23,27-30].

В одном из исследований [34] массив алкогольных семей методом кластерного анализа был разделён на три группы: семейства с высокой, средней и низкой интенсивностью переменных, связанных со стабильностью семьи (согласованность членов семьи, наличие стойких моральных убеждений, общение между членами семьи и окружающими людьми, решение проблем в семье, адаптивная способность членов семьи). В качестве контроля выступали семьи без аддиктивного локуса поражения. В результате исследования было установлено, что, несмотря на то, что среди алкогольных семей были и наиболее высоко функциональные кластеры, дети лиц, страдающих алкогольной зависимостью, имеют в 3-4 раза более высокий риск развития алкогольной зависимости, чем дети из группы контроля. Дочери алкоголиков чаще вступают в брак с мужчинами, страдающими алкогольной зависимостью, тем самым продолжая «алкогольный семейный цикл» для будущих поколений [34].

И хотя не все ВДА становятся алкоголиками, они чаще лиц из нормативных семей подвергают себя суицидальному риску, и на протяжении всей жизни сталкиваются с рядом аутоагрессивных проблем.

Исследования показывают, что личность может опосредовать межпоколенческую связь с алкогольной зависимостью,

используя множественные пути реализации преморбидной предрасположенности [27]. Одним из таких путей является генетика, другим – психосоциальные факторы: моделирование и идентификация с алкогольным родителем, или наоборот, – деидентификация. В таких случаях мы видим два варианта делинквентного поведения: в первом случае – это чрезмерное стремление к достижениям (как правило, в работе) и высокая производительность, которые в совокупности и сами по себе намного превосходят нормальный уровень (способные и высокопрофессиональные ученики, проявляющие необычайные таланты и амбиции, обожающие своих учителей и получающие роль в руководстве школы). Во втором случае – это повышенная аутоагрессивность, проявляющаяся высоким риском для здоровья (употребление наркотиков, употребление алкоголя, распушенность), социальными рисками (преступность, автомобильные аварии), наличием рисков для психического здоровья (убийство, самоубийство, депрессия, паника и беспокойство) [27]. Про ВДА из первой когорты возникает желание сказать, что подобного рода сверхадаптация является только плюсом для них, но при более глубоком рассмотрении становится видимой ошибочность данной точки зрения. Склонность к трудоголизму, избегание проблем, «бегство в работу», стремление достичь большего, вырваться из «семейного ада» – всё это лишь увеличивает риск соматизации, депрессивности, аутоагрессивности на уровне скрытом, не заметном для специалиста, и потому опасном [27].

Многочисленные исследования личности ВДА (в том числе и зарубежные) демонстрируют гетерогенность их как группы, которая связана с различием континуума дисфункций, прививающихся детям в «алкогольных» семьях [35,36].

Так, в одном из исследований выявляется пять личностных подгрупп среди ВДА [36]. Их континуум представлен от высоко функционирующих личностей до взрослых, с точностью повторяющих

судьбу своих родителей и полностью социально дезадаптированных. При этом, авторы делают вывод, что группа ВДА гетерогенна не случайно, и неоднородность базируется как на уровне личностного повреждения, так и на уровне адаптации личности в социуме [36]. Согласно теории систем, такая семейная атмосфера не способствует правильной дифференциации Я, а индивидуация рассматривается как угроза гомеостазу системы [19,37,38]. Результаты эмпирических исследований показывают, что опыт взаимодействия с физически и эмоционально недостижимым родителем, который сосредоточен в первую очередь на алкоголе, подвергает ребёнка испытанию реляционной травмой [37]. Это, следовательно, препятствует процессу разделения – индивидуализации. Основываясь на вышеупомянутых теоретических рамках, было высказано предположение, что женщины, которые испытывают трудности с зависимыми родителями, чаще демонстрируют нарушения в процессе сепарации – индивидуации, по сравнению с женщинами, которые не росли в семьях с алкогольными проблемами [37].

Некоторые авторы предполагают, что ВДА не хотят обременять своих родителей ответственностью за то, что происходит в их семьях, и одновременно хотят защитить свое внутреннее позитивное представление о них [30]. Из-за этого они направляют свои отрицательные эмоции на себя, в связи с чем, начинают испытывать чувство вины. ВДА иногда чувствуют себя виноватыми по отношению к родителям за то, что они уезжают из дома и не помогают им, или, как это ни парадоксально, они чувствуют себя виноватыми за то, что они слишком сосредоточены на собственной семье вместо того, чтобы помогать родителям [30].

Важным обстоятельством для выявления комплекса психосоциальных, суицидологических и личностных особенностей ВДА является учёт гендера как самих ВДА, так и их родителей и представленность у них алкогольной зависимости. Не оставляет

сомнений тот факт, что пол родителя, страдающего алкогольной зависимостью, по-разному будет влиять на психологические и суицидологические характеристики ребёнка. И здесь также важно учитывать гендер ребёнка, так как мать и/или отец имеют разное значение для сына и/или дочери. Данные парентальные фигуры по-разному интернализуются и играют разную роль в становлении личности ВДА [28].

В настоящее время, как подтверждают данные научной литературы, необходимо более четкое формулирование гипотез и моделирование исследований, связанных с проблемами алкоголизма, которые должны учитывать интерактивную динамику факторов риска, защиты и пол, как самих родителей, страдающих алкогольной зависимостью, так и ВДА. Подобные факторы следует принимать во внимание при любых попытках понять пути развития людей, растущих в семьях, пострадавших от алкогольной зависимости.

Заключение

Таким образом, учитывая распространенность «алкогольных» семей, проблема взрослых детей алкоголиков, несущих в себе значительный аутоагрессивный импульс, обусловленный, несомненно,

трансгенерационными механизмами передачи, является актуальной. Возрастает интерес к феномену созависимости у взрослых детей алкоголиков, который, вероятно, проявляется у них иначе, нежели у супруг в подобных браках. Не вызывает сомнений факт, что группа взрослых детей алкоголиков гетерогенна по своей сути, как в плане личностно-психологических характеристик, так и в плане уровня социального функционирования. Однако, до сих пор не раскрыты механизмы, либо условия формирования и воспитания, которые влияют на данное расщепление.

Не опубликовано исследований, которые бы учитывали совокупность факторов риска, защиты, гендера взрослых детей алкоголиков и их родителей, которые, безусловно, влияют на декомпозицию социального пласта взрослых детей алкоголиков.

Учитывая данные обзора литературы, взрослые дети алкоголиков, какими бы успешными они не позиционировались в социуме, представляют собой высоко аутоагрессивный пласт, требующий повышенного внимания со стороны кризисных психиатрических, наркологических и психологических служб.

Литература

1. Кибитов А.О. Семейная отягощенность по наркологическим заболеваниям: биологические, генетические и клинические характеристики // Социальная и клиническая психиатрия. 2015. Т. 25, №1. С. 98-104.
2. Лукашук А.В., Меринов А.В. Родительская аутоагрессия: связь с суицидальной активностью их потомства // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2017. Т. 25, №1. С. 86-91. doi:10.23888/PAVLOVJ2017186-91
3. Руженков В.А., Лукьянцева И.С., Руженкова В.В. Аддиктивное поведение студенческой молодежи: систематика, распространенность, клиника и профилактика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2015. №10 (207), вып. 30. С. 13-25.
4. Королёва Е.Г. Алкоголь и потомство // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2015. Т. 52, №4. С. 103-107.
5. Байкова М.А. Взрослое потомство больных алкоголизмом: клинико-психопатологические особенности (обзор литературных данных) // Здоровоохранение Югры: опыт и инновации. 2016. Т. 9, №4. С. 45-50.
6. Меринов А.В., Шустов Д.И., Лукашук А.В. Взрослые дети алкоголиков: суицидологические и экспериментально-психологические характеристики // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2015. Т. 14, №1. С. 97-102.
7. Цыганков Б.Д., Ваулин С.В. Суициды и суицидальные попытки (клиника, диагностика, лечение). Смоленск: СГМА; 2012.
8. Ваулин С.В. Суицидальные попытки и незавершенные суициды (госпитальная диагностика, оптимизация терапии, профилактика). Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М.; 2012. Доступно

- по <http://medical-diss.com/docreader/354138/a?#?page=1>. Ссылка активна на 08 октября 2018.
9. Кузнецова И.Н. Опыт работы со взрослыми детьми алкоголиков по теме «Чувство собственного достоинства» // Проблемы педагогики. 2017. Т. 29, №6. С. 36-40.
 10. Кожина Е.Ю. Влияние семьи как один из факторов становления личности подростка. Профилактика аддиктивного поведения // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. Т. 272, №3. С. 194-199.
 11. Литвинова В.В. Клинико-психологические особенности взрослых детей алкоголиков // Тюменский медицинский журнал. 2017. Т. 19, №1. С. 33-36.
 12. Башманов В.В., Калиниченко О.Ю. Феномен созависимости: медико-психо-социальный аспект // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2015. Т. 9, №1. С. 5-3. doi:10.12737/10338
 13. Молоткова С.В. Опыт изучения созависимых родственников в семье с химическим аддиктом // Вестник Калужского университета. 2015. Т. 28, №3. С. 114-118.
 14. Andreas J.B., O'Farrell T.J. Alcoholics Anonymous attendance following 12-step treatment participation as a link between alcohol-dependent fathers' treatment involvement and their children's externalizing problems // Journal of Substance Abuse Treatment. 2009. Vol. 36, №1. P. 87-100. doi:10.1016/j.jsat.2008.05.006
 15. Rangarajan S. Mediators and Moderators of Parental Alcoholism Effects on Offspring Self-Esteem // Alcohol and Alcoholism. 2008. Vol. 43, №4. P. 481-491. doi:10.1093/alcac/agn034
 16. Узлов Н.Д. Вина, стыд и личностные особенности матерей, чьи взрослые дети страдают алкогольной и наркотической зависимостью // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2016. Т. 6. С. 325-333.
 17. Разводовский Ю.Е. Эпидемиология алкоголизма в Белорусии // Вопросы наркологии. 2017. Т. 154, №6. С. 61-63.
 18. Грязнов А.Н., Баскакова В.Е., Шарафиев Э.С. Особенности студентов склонных к аддиктивному поведению // Проблемы современного педагогического образования. 2017. №54-5. С. 320-326.
 19. Waldron M., Bucholz K.K., Lynskey M.T., et al. Alcoholism and Timing of Separation in Parents: Findings in a Midwestern Birth Cohort // Journal of Studies on Alcohol and Drugs. 2013. Vol. 74, №2. P. 337-348.
 20. Розенова М.И., Асламазова Л.А., Ермолаев В.В., и др. Психологические проблемы современной семьи: опыт изучения и практики работы. М.: ИИУ МГОУ; 2016.
 21. Резвая Т.Н., Самсонов А.С., Куташова Л.А. Психологический анализ феномена созависимости // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2, №1 (18). С. 26-34.
 22. Меринов А.В., Лукашук А.В., Филиппова М.Д. Распространенность химических аддикций у «Взрослых детей алкоголиков» // Тюменский медицинский журнал. 2015. Т. 17, №4. С. 21-24.
 23. Лукашук А.В. Роль семьи в генезе суицидального поведения подростков. В кн.: Актуальные вопросы современной медицины: взгляд молодого специалиста. Материалы II Всероссийской научной конференции студентов и молодых специалистов. Рязань; 2016. С. 169-170.
 24. Лукашук А.В., Филиппова М.Д. Связь алкогольной зависимости родителей и аддиктивного поведения их детей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2015. Т. 9, №2. С. 32-39.
 25. Ташёва А.И., Бедрединова С.В. Созависимость девушек из алкогольных семей в зеркале проблемного поведения. В Кн.: Психологические проблемы современной семьи. Сборник тезисов VI Международной научной конференции. М.-Звенигород-Екатеринбург; 2015. С. 640-645.
 26. Мартынова А.А. Трансгенерационные механизмы трансляции химических зависимостей потомству // Наука молодых (Eruditio Juvenium). 2016. №3. С. 40-44.
 27. Hussong A., Bauer D., Chassin L. Telescoped Trajectories from Alcohol Initiation to Disorder in Children of Alcoholic Parents // Journal of Abnormal Psychology. 2010. Vol. 117, №1. P. 63-78. doi:10.1037/0021-843X.117.1.63
 28. Lee M.R., Chassin L., MacKinnon D. The effect of marriage on young adult heavy drinking and its mediators: results from two methods of adjusting for selection into marriage // Psychology of Addictive Behaviors. 2011. Vol. 24, №4. P. 712-718. doi:10.1037/a0020983
 29. Drapkin M.L., Eddie D., Buffington A.J., et al. Alcohol-Specific Coping Styles of Adult Children of Individuals with Alcohol Use Disorders and Associations with Psychosocial Functioning // Alcohol and Alcoholism. 2015. Vol. 50, №4. P. 463-469. doi:10.1093/alcac/agn023
 30. Brown-Rice K.A., Scholl J.L., Fercho K.A., et al. Neural and psychological characteristics of college students with alcoholic parents differ depending on current alcohol use // Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry. 2018. Vol. 81, №2. P. 284-296. doi:10.1016/j.pnpbp.2017.09.010
 31. Музыченко А.В., Певец О.В. Проблема психологического сопровождения и воспитания подростков в условиях алкоголизации родителей // Психологическое сопровождение образовательного процесса. 2015. Т. 2, №5-2. С. 302-309.

32. Slutske W.S., D'Onofrio B.M., Emery R.E., et al. Searching for an environmental effect of parental alcoholism on offspring alcohol use disorder: A genetically-informed study of children of alcoholics // *Journal of Abnormal Psychology*. 2008. Vol. 117, №3. P. 534-551. doi:10.1037/a0012907
33. Hussong A.M., Chassin L. Stress and coping among children of alcoholic parents through the young adult transition // *Development and Psychopathology*. 2004. Vol. 16, №4. P. 985-1006. doi:10.1017/S0954579404040106
34. Kim H.K., Lee M.H. Factors Influencing Resilience of Adult Children of Alcoholics among College Students // *Journal of Korean Academy of Nursing*. 2011. Vol. 41, №5. P. 642-651.
35. Hansson H., Rundberg J., Zetterlind U., et al. An intervention program for university students who have parents with alcohol problems: a randomized controlled trial // *Alcohol and Alcoholism*. 2006. Vol. 41, №6. P. 655-663. doi:10.1093/alcalc/agi057
36. Hinrichs J., DeFife J., Westen D. Personality Subtypes in Adolescent and Adult Children of Alcoholics: a Two-part Study // *Journal of Nervous and Mental Disease*. 2011. Vol. 199, №7. P. 487-498. doi:10.1097/NMD.0b013e3182214268
37. Pasternak A., Schier K. Psychological birth – the separation-individuation process among female Adult Children of Alcoholics // *Alcoholism and Drug Addiction*. 2014. Vol. 27, №4. P. 305-318. doi:10.1016/S0867-4361(14)70022-7
38. Gaşior K. Diversifying childhood experiences of Adult Children of Alcoholics // *Alcoholism and Drug Addiction*. 2014. Vol. 27, №4. P. 289-304. doi:10.1016/S0867-4361(14)70021-5
- References**
1. Kibitov AO. Semeynaya otyagoshchennost' po narkologicheskim zabolevaniyam: biologicheskiye, geneticheskiye i klinicheskiye kharakteristiki. *Sotsial'naya i Klinicheskaya Psikhatriya*. 2015;25(1): 98-104. (In Russ).
2. Lukashuk AV, Merinov AV. Parental autoaggression: the link with suicidal activity of their posterity. *I.P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*. 2017; 25(1):86-91. (In Russ). doi:10.23888/PAVLOVJ 2017186-91
3. Ruzhenkov VA, Lukyantseva IS, Ruzhenkova VV. Addictive behavior of students: classification, prevalence, clinical symptoms and prevention. *Scientific Bulletins of Belgorod State University. Series: Medicine. Pharmacia*. 2015;10(207,30):13-25. (In Russ).
4. Koroleva EG. Alcohol and offsprings. *Journal of the Grodno State Medical University*. 2015; 52(4): 103-7. (In Russ).
5. Baykova MA. Vzrosloye potomstvo bol'nykh alkogolizmom: kliniko-psikhopatologicheskiye osobennosti (obzor literaturnykh dannykh). *Zdravookhraneniye Yugry: Opyt i Innovatsii*. 2016; 9(4):45-50. (In Russ).
6. Merinov AV, Shustov DI, Lukashuk AV. Vzroslye deti alkogolikov: suitsidologicheskie i eksperimental'no-psikhologicheskiye kharakteristiki. *Vestnik Vitebskogo Gosudarstvennogo Meditsinskogo Universiteta*. 2015;14(1): 97-102. (In Russ).
7. Tsygankov BD, Vaulin SV. *Suitsidy i suitsidal'nye popytki (klinika, diagnostika, lecheniye)*. Smolensk: SGMA; 2012. (In Russ).
8. Vaulin SV. *Suitsidal'nye popytki i nezavershennyye suitsidy (gospital'naya diagnostika, optimizatsiya terapii, profilaktika)* [dissertation]. Moscow; 2012. Available at: <http://medical-diss.com/docreader/354138/a?#?page=1>. Accessed: 08 Oct 2018. (In Russ).
9. Kuznetsova IN. Opyt raboty so vzroslymi det'mi alkogolikov po teme «Chuvstvo sobstvennogo dostoinstva». *Problemy Pedagogiki*. 2017;29(6):36-40. (In Russ).
10. Kozhina EU. The family influence on adolescent development. Prevention of addictive behaviours. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. 2016; 272(3):194-9. (In Russ).
11. Litvinova VV. Clinical and psychological characteristics of adult children of alcohol addicts. *Tyumen Medical Journal*. 2017;19(1):33-6. (In Russ).
12. Bashmanov VV, Kalinichenko OYu. The phenomenon of co-dependency: the medico-psychosocial aspect. *Journal of New Medical Technologies, eEdition*. 2015;9(1):5-3. (In Russ). doi:10.12737/10338
13. Molotkova SV. The experience of studying codependent relatives in the family with chemical addiction. *Vestnik Kaluzhskogo Universiteta*. 2015;28(3):114-8. (In Russ).
14. Andreas JB, O'Farrell TJ. Alcoholics Anonymous attendance following 12-step treatment participation as a link between alcohol-dependent fathers' treatment involvement and their children's externalizing problems. *J Subst Abuse Treat*. 2009; 36(1):87-100. doi:10.1016/j.jsat.2008.05.006
15. Rangarajan S. Mediators and Moderators of Parental Alcoholism Effects on Offspring Self-Esteem. *Alcohol and Alcoholism*. 2008;43(4):481-91. doi:10.1093/alcalc/agn034
16. Uzlov ND. Vina, styd i lichnostnye osobennosti materey, ch'i vzroslye deti stradayut alkogol'noy i narkoticheskoy zavisimost'yu. *Lichnost' v Ekstremal'nykh Usloviyakh i Krizisnykh Situatsiyakh Zhiznedeyatel'nosti*. 2016;6:325-33. (In Russ).
17. Razvodovskiy YuE. Epidemiologiya alkogolizma v Belarusii. *Voprosy Narkologii*. 2017;154(6):61-3. (In Russ).
18. Gryaznov AN, Baskakova VE, Sharafiev ES. Characteristics of students prone to addictive behavior. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2017; 54-5:320-6. (In Russ).
19. Waldron M, Bucholz KK, Lynskey MT, et al. Alcoholism and Timing of Separation in Parents: Findings in a Midwestern Birth Cohort. *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. 2013;74(2):337-48.

20. Rozenova MI, Aslamazova LA, Ermolaev VV, et al. *Psichologicheski problemy sovremennoy sem'i: opyt izucheniya i praktiki raboty*. Moscow: IPU MGOU; 2016. (In Russ).
21. Rezvaya TN, Samsonov AS, Kutashova LA. Psychological analysis of the phenomenon codependency. *Centralnyy Nauchnyy Vestnik*. 2017;2(1,18): 26-34. (In Russ).
22. Merinov AV, Lukashuk AV, Filippova MD. The prevalence of chemical addictions has «adult children of alcoholics». *Tyumen Medical Journal*. 2015; 17(4):21-4. (In Russ).
23. Lukashuk AV. Rol' sem'i v geneze suitsidal'nogo povedeniya podrostkov. In.: *Aktual'nye Voprosy Sovremennoy Meditsiny: Vzgl'yad Molodogo Spetsialista. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov i molodykh spetsialistov*. Ryazan'; 2016:169-70. (In Russ).
24. Lukashuk AV, Filippova MD. The relationship of alcohol dependence parents and addictive behavior of their children. *Lichnost' v Menyayushchemsya Mire: Zdorov'e, Adaptatsiya, Razvitie*. 2015;2(9): 32-9. (In Russ).
25. Taschëva AI, Bedredinova SV. Codependency girls from alcoholic families in the mirror of problem behavior. In.: *Psichologicheskie problemy sovremennoy sem'i. Sbornik tezisev VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow-Zvenigorod-Ekaterinburg; 2015:640-5. (In Russ).
26. Martynova AA. Transgenerational mechanisms of translation chemical dependency offspring. *Nauka molodyh (Eruditio Juvenium)*. 2016;3:40-4. (In Russ).
27. Hussong A, Bauer D, Chassin L. Telescoped Trajectories from Alcohol Initiation to Disorder in Children of Alcoholic Parents. *J Abnorm Psychol*. 2010;117(1):63-78. doi:10.1037/0021-843X.117.1.63
28. Lee MR, Chassin L, MacKinnon D. The Effect of Marriage on Young Adult Heavy Drinking and Its Mediators: Results From Two Methods of Adjusting for Selection Into Marriage. *Psychol Addict Behav*. 2011;24(4):712-8. doi: 10.1037/a0020983
29. Drapkin ML, Eddie D, Buffington AJ, et al. Alcohol-Specific Coping Styles of Adult Children of Individuals with Alcohol Use Disorders and Associations with Psychosocial Functioning. *Alcohol and Alcoholism*. 2015;50(4):463-9. doi:10.1093/alcalc/ agv023
30. Brown-Rice KA, Scholl JL, Fercho KA, et al. Neural and psychological characteristics of college students with alcoholic parents differ depending on current alcohol use. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*. 2018; 81(2):284-96. doi:10.1016/j.pnpbp.2017.09.010
31. Muzychenko AV, Pevets OV. Problema psikhologicheskogo soprovozhdeniya i vospitaniya podrostkov v usloviyakh alkogolizatsii roditeley. *Psikhologicheskoe Soprovozhdenie Obrazovatel'nogo Protsessa*. 2015;2(5-2):302-9. (In Russ).
32. Slutske WS, D'Onofrio BM, Turkheimer E, et al. Searching for an environmental effect of parental alcoholism on offspring alcohol use disorder: a genetically informed study of children of alcoholics. *J Abnorm Psychol*. 2008;117(3):534-51. doi:10.1037/a0012907
33. Hussong AM, Chassin L. Stress and coping among children of alcoholic parents through the young adult transition. *Development and Psychopathology*. 2004; 16(4):985-1006. doi:10.1017/S0954579404040106
34. Kim HK, Lee MH. Factors Influencing Resilience of Adult Children of Alcoholics among College Students. *J Korean Acad Nurs*. 2011;41(5):642-51.
35. Hansson H, Rundberg J, Zetterlind U, et al. An intervention program for university students who have parents with alcohol problems: a randomized controlled trial. *Alcohol and Alcoholism*. 2006; 41(6):655-63. doi:10.1093/alcalc/agl057
36. Hinrichs J, DeFife J, Westen D. Personality Subtypes in Adolescent and Adult Children of Alcoholics: a Two-part Study. *J Nerv Ment Dis*. 2011;199 (7):487-98. doi:10.1097/NMD.0b013e3182214268
37. Pasternak A, Schier K. Psychological birth – the separation-individuation process among female Adult Children of Alcoholics. *Alcoholism and Drug Addiction*. 2014;27(4):305-18. doi:10.1016/S0867-4361(14)70022-7
38. Gąsior K. Diversifying childhood experiences of Adult Children of Alcoholics. *Alcoholism and Drug Addiction*. 2014;27(4):289-304. doi:10.1016/S0867-4361(14)70021-5

Дополнительная информация [Additional Info]

Источник финансирования. Бюджет ФГБОУ ВО Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова Минздрава России. [Financing of study. Budget of Ryazan State Medical University.]

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, о которых необходимо сообщить, в связи с публикацией данной статьи. [Conflict of interests. The authors declare no actual and potential conflict of interests which should be stated in connection with publication of the article.]

Участие авторов. Байкова М.А. – сбор, перевод и анализ материала, написание текста, Меринов А.В. – концепция обзора, написание текста, редактирование. [Participation of authors. M.A. Baykova – collection, translation and analysis of material, writing the text, A.V. Merinov – concept of the review, writing the text, editing.]

Информация об авторах [Authors Info]

Байкова Мария Александровна – очный аспирант кафедры психиатрии ФГБОУ ВО Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова Минздрава России, Рязань, Россия. [**Maria A. Baykova** – PhD Student of the Department of Psychiatry, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia.]

SPIN: 8162-8750, ORCID ID: 0000-0002-7009-0705, Researcher ID: T-7129-2017.

***Меринов Алексей Владимирович** – д.м.н., доцент, профессор кафедры психиатрии ФГБОУ ВО Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова Минздрава России, Рязань, Россия. [**Aleksey V. Merinov** – MD, PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia.]

SPIN: 7508-2691; ORCID ID: 0000-0002-1188-2542, Researcher ID: M-3863-2016. E-mail: merinovalex@gmail.com

Цитировать: Байкова М.А., Меринов А.В. Влияние алкоголизма родителей на суицидологические и личностно-психологические характеристики потомства // Российский медико-биологический вестник имени академика И.П. Павлова. 2018. Т. 26, №4. С. 547-558. doi:10.23888/PAVLOVJ2018264547-558

To cite this article: Baykova MA, Merinov AV. Influence of parental alcoholism on suicidal and personality-psychological characteristics of offspring. *I.P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*. 2018;26(4):547-58. doi: 10.23888/PAVLOVJ2018264547-558

Поступила/Received: 12.05.2018

Принята в печать/Accepted: 12.12.2018